

335297

Д.М. ГРЕБЕНЩИНОВ

*из
фронтового
блокнота*

ОГИЗ
САРАТОВСКОЕ
ОБЛАСТНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1944

* * *

Год назад мы воевали на Волге, под Сталинградом. И вот мы вышли на Днепр. Это был трудный путь, и тяжёлый год. Но это был победный путь, и потому — радостный год.

На пути от Волги до Днепра были разные встречи, со многими людьми завязалась дружба. Война крепит дружбу быстро и прочно.

Но всё же ближе и роднее всех солдату на войне земляк. Множество каких-то неуловимых черт, повадок, словечек, оборотов речи, какая-то особая манера у человека, и спрашиваешь почти безошибочно.

— Вы саратовский?

— Саратовский. А вы тоже?

— Тоже.

И сразу для земляка раскрыты кисет и душа, и всегда найдётся минута покурить, поговорить...

И всегда с особой радостью и гордостью записываешь в блокнот подвиг, если его совершил земляк, саратовец, волжанин.

Перелистываешь свой фронтовой блокнот и видишь, что и наши саратовские стояли насмерть под Сталинградом, что и наши в упорных боях держали под Клетской излучину Дона, как плацдарм для будущего удара, что и наши прорывали в ноябре 1942 года вражескую оборону на Дону, а затем рванулись по донским степям и, замкнув кольцо вокруг немецкой армии под Сталинградом, пошли победным походом на Запад, освобождая Украину от немцев. И наши волжане пили шоломом воду из Днепра.

Я хочу рассказать о них, чтобы мои земляки в Саратове и в области разделили со мной чувство гордости за героев, которых вскормила наша саратовская земля, которых вспоила наша родная Волга, и которые больше всего на свете любят свою Родину и за неё не жалеют ни сил, ни самой жизни...

ОТВЕТ СЫНУ

Командир грозного орудия, любовно именуемого бойцами „Катюшей“, гвардии старший сержант Иванов Дмитрий Алексеевич однажды получил письмо из Саратова. Это было в то знойное и опасное лето 1942 года, когда немецкие полчища, прорвавшись через Дон, подошли к самой Волге и окружили Сталинград. Опасность нависла над Волгой, над всей страной. Иванов стоял под Сталинградом.

В письме, написанном крупным детским почерком, гвардейца Иванова спрашивал девятилетний сын Виктор: „Папа, а вы не отдадите Саратов немцам? Мама хочет уезжать в Сибирь, а я не хочу. В Сибири нет Волги, и мне там негде будет учиться плавать. Папа! Напиши ей, что вы немцев в Саратов не пустите. А если немцы придут сюда, то я сам пойду воевать с ними“.

Солдатское сердце кремень. Но не искру высекло такое письмо, оно выдавило из самого сердца злую и горькую слезу.

Иванов долго думал, как ответить сыну. Ответить надо не словами утешения, а делом.

Казалось, о чём думать гвардейцу-артиллеристу? Каждый залп „Катюш“ — это десятки уничтоженных фрицев, это сожжённые танки и развороченные блиндажи, это ужас и смерть для врага.

Но русская ненависть, как и любовь, ненасытна. Иванову хотелось большего. Ему хотелось ознаменовать своё участие в войне личным подвигом. Будь он пехотинцем, он пошёл бы в дерзкую разведку, засел бы в засаде и убил десяток немцев; он поднял бы своё отделение в смелую атаку и в рукопашной схватке яростно уничтожал бы бандитов.

Но командиру „Катюши“ этого сделать нельзя. Он должен только точно и чётко выполнять команду — изготовить орудие, дать выстрел, переехать на новую позицию и там повторить. Никакого дерзновения здесь проявлять не дозволено.

Исполнительность, точность и расторопность — вот доблести гвардейца-артиллериста. Иванов мог бы пренебрегать опасностью для собственной жизни, но подвергать опасности орудие он не имеет права. И Иванов хорошо маскировался. Противник ни разу его не обнаружил.

Но если высшая доблесть проявляется в чёткости, расторопности, в дисциплине и слаженности боевого расчёта, то и в этом можно достичь совершенства. В свобод-

ное от боёв время Иванов стал упорно и настойчиво тренировать свой боевой расчёт.

Он добивался автоматизма в работе каждого номера и образцовой слаженности всего расчёта. Он бился за каждую минуту, за каждую секунду. Он говорил о факторе времени, как о решающем в бою.

И он в четыре раза сократил время, потребное по норме для подготовки к залпу. Это означало, что в то время, когда соседнее орудие даст один выстрел, Иванов давал четыре.

Когда наши войска прорвали вражескую оборону на Дону, гвардии старший сержант Иванов огнём своего орудия поддерживал наступление.

Утро 19 ноября 1942 года было туманное, тихое. Ночью наши части переправились через Дон и прижались к гребню небольших высоток, занятых противником.

Здесь намечался прорыв.

В установленный срок взвилась ракета и, сотрясая землю, грянул могучий артиллерийский залп. Началась артиллерийская подготовка, „обработка“ переднего края вражеской обороны. Она длилась целый час. Накрывая одну цель за другой, били тысячи орудий всевозможных калибров.

Сплошной гул, рев, грохот стояли над Доном. С соседом можно было разговаривать только на-ухо и только крича во всё горло.

Столбы огня и дыма поднялись за Доном. Покрытые снегом высоты сразу стали чёрными, словно их только что вспахали. Блиндажи, дзоты, колючая проволока, минные поля, танки, орудия— всё рвалось и взлетало на воздух вместе с немцами. Оставшиеся в живых и попавшие в плен обезумевшие фрицы говорили: „Это был ад“.

Потом вдруг наступило затишье. Тишина стояла всего несколько минут, но она была страшнее грохота. А затем последовали залпы гвардейцев-миномётчиков. Словно вихрь промчался, прошумел по дремучему лесу, будто горный обвал обрушился где-то вблизи. Ярким фейерверком озарилась туманная донская степь, а задонские горы запылали огнём.

Вот тут-то гвардии старший сержант Иванов показал класс работы.

Этот концерт веселил душу бойца лучше всякой музыки.

По опалённым, изрытым полям ринулись в прорыв танки с десантом автоматчиков, за ними пошли цепи пехоты. Началось великое наступление на среднем Дону. Здесь всё пришлось испытать—и снежный буран, и артиллерийский обстрел, и бомбёжку немецких пикировщиков, и огонь тан-

ков противника, но Иванов шёл вперёд и вёл свой страшный, сокрушительный огонь.

Десятки вражеских танков, автомашин, орудий, пулемётов и множество гитлеровцев уничтожил Иванов на своём пути. В Ново-Фоминской накрыл обоз отступающих румын, и до сотни сгорело их от огня подразделения Иванова. На станции Суровикино поджёг склад с горючим, и зарево пожара всю ночь озаряло горизонт, под Калачом громил скопление танков. И шёл всё вперёд и вперёд.

Вдруг его предупредили:

— Осторожнее, за той высотой наши...

Бойцы двух фронтов встретились и пожали друг другу руки.

Кольцо вокруг сталинградской группировки замкнулось. Часть наших войск осталась, чтобы сжимать это кольцо и уничтожать врага, а Иванов повернул на запад, на Миллерово, на Ворошиловград, на Украину.

И где-то он затерялся в украинских степях...

А недавно его имя промелькнуло в печати. Иванов награждён орденом Отечественной войны второй степени.

Таков его ответ на вопрос сына. Немцы не были и никогда не будут в Саратове.

ДРУЗЬЯ

Они были друзья и у них было всё общее—и судьба, и вещевой мешок, и заботы.

И чем-то они были похожи, так что молодой боец, впервые пришедший в роту, принимал одного за другого. Оба небольшого роста, широкоплечие, светловолосые и круглолицые. Оба старшие лейтенанты, одного возраста, в одинаково выцветших гимнастёрках и в сапогах, одинаково стоптанных в пятке. Голос у обоих теноровый и одинаково не крупные черты лица—с первого взгляда их можно было принять за родных братьев.

И только при ближайшем знакомстве начинало выступать различие и во внешности и в характере.

Командир роты, старший лейтенант Алексей Панин был чуть покряжистее и полнее своего заместителя по политчасти Михаила Кузнецова, нос у него был более расплывчатый и более крутой лоб. Панин был русский, сероглазый, Кузнецов—рыжеватый, в мелких веснушках и голубоглазый. Панин был медлительнее, хладнокровнее и более раздумчивый, чем Кузнецов—человек горячий, вспыльчивый, с часто меняющимся настроением.

Кузнецов, будучи горожанином, квалифицированным шахтёром, по общему развитию стоял несколько выше Панина, хотя и имеющего среднее образование, но по манерам и вкусам человека глубоко деревенского.

До войны Михаил Кузнецов работал в Донбассе, был стахановцем и в числе лучших присутствовал на приёме у наркома.

Война свела их у самой границы за Львовом в июле 1941 года и страдный путь отступления скрепил их дружбу кровью, пролитой за Родину. Кузнецов был ранен пять раз, Панин имел десять ранений. Дружба и привязанность к роте заставляли их залечивать раны на ходу, не выходя из строя. И только при более тяжёлом ранении они обращались к медикам, но дальше дивизионного медсанбата не хотели ехать: из госпиталя очень трудно попасть обратно в свою часть, в свою роту, родную и близкую, как семья, с которой пройдено столько дорог и совершено столько славных дел. Бои под Львовом, Гомелем и Смоленском, под Харьковом и Белгородом, разгром 79 немецкой дивизии под Алексеевкой и Валуйками, сдерживающие бои на Дону, борьба за плацдарм под Клетской, форсирование Дона и бои за плацдарм под Серафимовичем—вот трудные этапы их боевого пути.

Вне службы, один на один, они называли друг друга Алёша и Миша, или Алексей Иванович и Михаил Арсентьевич. О том, что это кровные друзья знали все, кроме, быть может, их самих. У них об этом ни разу разговора не было. Дружба возникла невзначай, росла, крепла и не нуждалась в объяснениях. Каждый из них считал другого частью самого себя и если один испытывал голод, то, ясно, проголодался и другой. Такая дружба—большая сила, и счастлив тот, кто на войне имеет хорошего и верного друга.

* * *

Накануне дивизия получила звание гвардейской. По этому поводу немного выпили. Сидели в землянке, пели „Как на синий Ерик“... Это была любимая песня командира. Кузнецов вторил. Пили немного, но возбуждение было большое. Наутро дивизия шла в наступление. Рота автоматчиков старшего лейтенанта Панина шла вместе с полковой разведкой. Им выступать раньше. Сейчас они ждали вызова в штаб полка для получения боевой задачи.

— Так-то, товарищ гвардии старший лейтенант—говорил Кузнецов, подчёркивая слово „гвардии“.

— Да, да,—поспешно ответил Панин и усмехнулся—

гвардии... Это хорошо звучит. Гвардия. Только вот мелковаты мы с тобой, Миша, для гвардии. Ростом не вышли. Гвардеец должен быть крупный, красивый, статный, на подбор. А мы с тобой что, мелкокалиберный народ.

— Не согласен,—возражал Кузнецов,—мы автоматчики. Это артиллеристам положено быть крупными. Им пушки возить. А нам, автоматчикам, часто приходится быть тише воды, ниже травы. Где крупному человеку спрятаться в степи? Как ему просочиться в тыл врага? А рост чести и званию не помеха.

Они весело шутили, в шутках выражали свою радость. Получить на войне гвардейское звание—большая радость и честь.

Пришёл связной и вызвал командира и замполита роты автоматчиков в штаб полка. Командир полка майор Казюлин, которого за отчаянную храбрость и душевную простоту все очень любили и звали просто Кирилл Иванович, ставил перед ротой задачу. Развернув карту, он показал нанесённые на ней огневые точки противника и сказал:

— Большинство их утром будет уничтожено артподготовкой. Это облегчает нашу задачу. Дзоты, которых огонь артиллерии может и не взять, мы должны выявить, уничтожить и обеспечить проход танкам в тыл противника. Вы идёте вместе с полковой разведкой и обеспечиваете проходы для нашего полка. Конечная задача на завтра—выбить противника из хутора Средне-Царицынский и закрепиться на высотах южнее его. Вам придаётся четыре пулемёта и два ротных миномёта. Действуйте мелкими группами и каждой такой группе ставьте самостоятельную задачу. Помните, что мы теперь гвардейцы. Всё ясно?

— Ясно!—ответил Панин.

— Действуйте!—сказал командир полка.

* * *

В ночь перед боем очень важно хорошо выспаться. Но это обычно плохо удаётся. Перед боем всегда бессонная ночь.

Командир роты долго ворочался на своей жёсткой лежанке. Рядом лежал замполит. Оба они не спали, но, не желая мешать друг другу, молчали.

В нише, выдолбленной в стене землянки, коптя и потрескивая, горела коптилка—чайное блюдо с маслом и в нём плавающий фитиль. В углу дремал телефонист. На нарах лежали командиры взводов, писарь, старшина и несколько бойцов.

Боец-автоматчик топил железную, обложенную кирпичом, печку. В землянке было душно и жарко.

Командир роты закрыл глаза и усилием воли принуждал себя заснуть. Для него это не была ночь перед первым боем. Страха он не испытывал, смерти не боялся, но всё равно не спалось.

В тесной землянке где-то в снежной придонской степи, в эту хмурую зимнюю ночь Алексей Панин вспоминал дом в Дергачах, за Волгой, где осталась семья, где прошли детство и юность, где жизнь была широкая и привольная, просторная, как Волга. Словно на экране вспыхивали картины мирного быта, в котором также были свои заботы и неприятности, но теперь они казались до смешного незначительными и мелкими, словно мусор, засорявший глаза и мешавший видеть большое счастье и красоту жизни.

— Какую жизнь нам изуродовали немцы—думал он и ярко, будто здесь, перед собой видел Волгу, в её весеннем разливе, могучую, спокойную и светлую, какой она была, когда он переезжал её в последний раз.

— Вернусь ли когда-нибудь туда?—И острая печаль разлуки кольнула сердце.

— Где вы, безбрежные просторы заволжских степей?

О предстоящем бое, о завтрашнем дне не хотелось думать, но беспокойная мысль не считалась с желанием и не давала покоя.

Командир полка сказал: „действуйте мелкими группами“. Это, его, Панина, мысль: его продуманная, проверенная в боях тактика. Он пропагандировал её всюду, где только мог, и обижался, что к нему мало прислушиваются.

Тактика мелких групп! Это был его опыт. Он даже подумывал написать большую докладную записку командованию по вопросам тактики мелких групп. Но для этого у него не было времени и условий. Единственно, что ему удалось, это дать статью в красноармейскую газету.

Он знал, какое смятение и какую панику способны вызвать несколько автоматчиков, просочившихся в расположение противника. А сколько инициативы, решительности, смекалки и ловкости проявляет боец, получивший самостоятельную, трудную, ответственную и опасную боевую задачу.

Действуя в составе небольшой штурмовой группы, боец, получивший задачу блокировать огневую точку, дзот, использует всё напряжение своего ума, воли и умения, все свои способности воина. И он побеждает в десятки раз сильнейшего противника.

Конечно, больше всего эта тактика подходит автоматчи-

кам. Вот почему Панин любил свою роту и не хотел уходить из неё и раненый отказался эвакуироваться в Саратовский госпиталь, хотя и имел бы возможность побывать дома, в Дергачах.

За год войны у него в роте выросли замечательные автоматчики, смелые, ловкие и умелые. Такие, как Хомяков, Буров, Иванов, Красильников, Ситников, Козлов, как сержанты Залепукин, Курносов, Селичев, Циплин и замполит-рука Бойко. Это мастера своего дела, это герои, с которыми можно творить чудеса.

— Что-то даст завтрашний день, завтрашний бой? — думал командир. Он был уверен, что задача будет выполнена, что драться будут не плохо. Но не знал командир, что завтрашний день озарит его роту сияньем славы и доблести, что сам он, к своим двум орденам, получит высшую награду — орден Ленина, а его рыжеватый друг, только что заснувший рядом с ним, — Миша Кузнецов покажет всю свою могучую ярость и богатырскую душу и станет Героем Советского Союза.

* * *

Панин заснул только под утро, и был разбужен орудийным грохотом артиллерийской подготовки.

Выйдя из землянки, он увидел серое, свинцовое небо и мутно-белый туман, закрывший высоты, занятые противником. Холодная изморозь пронизывала до костей. Часовой автоматчик у землянки топтался на снегу и ёжился. В овраге, где была расположена рота, бойцы в ожидании горячего завтрака прыгали и хлопали руками, согревая себя этой невесёлой пляской. Они были одеты в белые маскировочные халаты, под цвет снега. Автоматы висели на шее у каждого.

— Прекрасная погода, — весело сказал командир роты, здороваясь со своими автоматчиками, — думаю, что сегодня кроме простуженных, у нас не будет никаких потерь. Можно вплотную подползти к фрицам и ни один чорт не заметит.

Первой, вместе с полковой разведкой, выступала группа замполитрука Бойко. Это была, по существу, ротная разведка, но она имела и боевую задачу — проделать проход для роты в тыл врага.

— Я пойду с Бойко, — сказал Кузнецов своему командиру, — а то как бы не напартачили ребята. Не даром я воевал больше года. Чему-нибудь научился, а они ребята не очень опытные.

— Иди, разрешаю, — согласился Панин, — нам всем сегодня будет жарко.

И он отдал приказание о выступлении.

— Становись! — крикнул Бойко, и автоматчики его группы встали в две шеренги, хотя их было вместе с ним всего шесть человек да Кузнецов седьмой. Бойцы подтягивались, прилаживали удобнее автоматы, гранаты, запасные диски, сумки с двухдневным запасом хлеба и консервов.

Вдали глухо рычали орудия. Артиллерийская подготовка не кончилась, должны были последовать еще новые залпы, или, как бойцы говорили, — „Катюша“ сыграет концерт.

Первая группа пошла по оврагу к переднему краю и вскоре скрылась в тумане. Она должна идти вплотную за разрывами своих снарядов.

Когда начинается наша артподготовка, гитлеровцы обычно убегают по ходам сообщений из траншей в блиндажи и там пережидают, пока пройдет этот страшный смерч огня. Как только артиллерийский огонь прекращается, уцелевшие солдаты снова бегут в траншеи на свои места. Если идти вплотную за разрывами своих снарядов, можно ворваться в окопы и траншеи врага, когда в них еще не вернулись солдаты из укрытий.

Но по скатам высоты у противника проходила линия дзотов, сильно укрепленных и хорошо замаскированных. Часть их прямым попаданием снарядов была выковырена и уничтожена. В оставшихся сидели пулемётчики и зорко смотрели в сторону наших позиций.

Впереди группы Кузнецова — Бойко шли редкой цепочкой разведчики, пригибаясь и перебегая от ямки к ямке. А ямок наша артиллерия наковыряла немало.

Когда разведчики и автоматчики подошли к расположению вражеских позиций, их белые халаты стали весьма заметны. Здесь после „работы“ нашей артиллерии земля стала чёрная, взрытая, словно пашня.

И как только разведчики вступили на эту чёрную землю, из дзота напротив совсем близко застрочил пулемёт. Двое разведчиков упали.

— Блокируем дзот, — сказал Кузнецов и указал каждому автоматчику направление и скрытые подступы к дзоту.

Лейтенант Птицын, командир разведки (он шёл вместе с Кузнецовым) дал команду своим разведчикам — залечь, наблюдать и вести огонь по амбразуре дзота.

Автоматчики Халиков и Бойко с разных сторон подползали к дзоту. Пулемёт строчил по разведчикам, наскоро окопавшимся на склонах высоты. Кузнецов со своей

группой по оврагу подымался в гору и заходил в тыл дзота.

Бойко первым подполз к дзоту, поднялся и бросил в амбразуру гранату. Пулемёт умолк. Неожиданно застрожил пулемёт из соседнего дзота. Бойко упал, сражённый насмерть.

Кузнецов бросился к первому дзоту, приказав остальным блокировать и второй.

В это время он увидел, что по оврагу и ходам сообщения к ним бегут гитлеровцы, стреляя на ходу. Это те, что возвращались из укрытий на передний край.

Кузнецов вбежал в дзот, выхватил немецкий пулемёт и, устроившись с ним около дзота, открыл огонь по немцам. Те залегли.

Второй дзот был также забросан гранатами. Его гарнизон был уничтожен. Разведчики и автоматчики шли вперёд на гитлеровцев, что залегли под пулемётом Кузнецова.

Отстреливаясь, те отступили. Путь вперёд был свободен.

* * *

Панин вёл роту по оврагу сомкнутым строем. Боковые дозоры шли по сторонам. За ротой двигались батальоны.

Сапёры, шедшие с разведкой, сообщили, что за дзотами, перед основной линией обороны противника, — минное поле и дальше противотанковый ров. На вершине высоты и на обратных скатах — линия окопов.

Пока сапёры делали проходы в минном поле, со стороны противника начался сильный миномётный обстрел.

Роту пришлось развернуть. На высоту поднимались осторожно, перебежками. Из окопов не открывали огня.

— Странно. Наверное подпускают ближе, — думал Панин, — и ударят сразу из нескольких пулемётов.

Но вот разведчики поднялись на вершину и перевалили на обратные скаты. Пулемётного огня не было.

Когда автоматчики взобрались наверх, то увидели, что окопы все разворочены, в них и около них много трупов и тяжело раненых, стонущих румын. Наша артиллерия уничтожила всё, что было на высоте. Среди трупов валялись разбитые, искарёженные пулемёты, брошенные винтовки, обломки перекрытий блиндажей.

— Вот чистая работа, — смеялись автоматчики и, шумно выражая своё восхищение нашей артиллерией, двинулись дальше по вражеским тылам. Миномётный обстрел прекратился; видимо, враг перенёс огонь в другое место.

Автоматчики шли, повесив автоматы на шею, никто их больше не беспокоил. Группа Кузнецова была впереди, метров на 700—800. Туман рассеивался, и стало видно на большое расстояние.

Разведка сообщила, что по дороге вдоль фронта движется артиллерийский обоз. Насчитали до сотни лошадей, около 20 пушек и до сотни румынских солдат.

Панин на минуту задумался. Что может сделать полсотня автоматчиков против дивизиона артиллерии? И если могут, то как?

Десятки вариантов боя проходят в сознании, в воображении командира. Решение командира—важнейшая часть боя, решающее условие победы или поражения. И Панин принял решение: группы автоматчиков Кузнецова и лейтенанта Загорского выбросить в голову и в хвост колонны, оседлать дорогу, а самому с основными силами ударить в центр обоза.

Расчёт был на внезапность и неожиданность.

Но действительность вносит поправки в планы и расчёты. Автоматчики выбежали на гору и увидели,—по долине поперёк их пути движется большой обоз. До него около километра расстояния.

Но артиллеристы тоже увидели автоматчиков и поняли, что это противник. Пушки быстро были изготовлены к стрельбе и через несколько минут снаряды начали рваться около автоматчиков. Румыны били прямой наводкой.

С каждой минутой артиллерийский огонь становился сильнее и снаряды ложились всё ближе. Били шрапнелью. Послышались стоны раненых автоматчиков.

Произошло маленькое замешательство. Несколько автоматчиков побежали назад, чтобы укрыться на обратных скатах высоты.

—Куда?—закричал Панин,—вернуться!—и махнув рукой, крикнул по цепи: Вперёд! За мной! Быстро!

Сам побежал вперёд на стреляющие пушки.

Кто много воевал, тот знает,—если попал под огонь артиллерии или миномётов, то самый верный и безопасный путь—итти на огонь, вперёд. Залечь или бежать обратно—значит отдать себя на расстрел, на уничтожение.

И автоматчики бежали вперёд. Но огня не открывали. Автомат бьёт только на 300—400 метров. Огонь на больших дистанциях бесполезен.

—Эх, кабы винтовки были,—сказал один из автоматчиков. Из винтовок уж можно бы достать.

Снаряды рвались всюду. Рота несла потери, но бежала вперёд. И по мере приближения к врагу усиливалась ярость,

никто не думал о смерти, только бы добежать и уничтожить эту рваную сволочь, рыгающую огнём и смертью.

Расправа была короткой и жестокой. Когда закончился бой, 56 трупов румын лежали около раскалённых орудий. 96 лошадей и 16 исправных пушек захватили автоматчики.

* * *

Разгром вражеского артдивизиона и захват орудий четырёх батарей Панин считал хорошей военной удачей, но именно удачей, в значительной степени случайной.

Но вот в штурме населённого пункта Средне-Царицынского Панин полностью использовал весь свой опыт, все свои выводы по тактике действия мелкими группами. Эту операцию он называл впоследствии „классической“.

К хутору подошли вечером. Уже темнело. Хутор оказался довольно большим населённым пунктом, раскинувшимся по долине на несколько километров. Если наступать на него цепью, то фронт роты будет такой широкий, что держать связь между бойцами и управлять ротой нет никакой возможности. А противника надо вышибать из хутора одновременно и полностью.

Панин знал—взять Средне-Царицынский, это значило открыть ворота для наших танков в глубокий рейд по тылам врага. Здесь был узел дорог. Захват этого населённого пункта имел не только большое тактическое, но и стратегическое значение.

—Надо достать языка с хутора, — сказал Панин — не плохо бы захватить какого-нибудь офицеришку.

Он послал трёх автоматчиков. Часа через полтора к нему притащили перепуганного на-смерть румына. Это был не офицер, но часовой, хорошо знавший охраняемые в хуторе объекты.

Допросом было установлено, что здесь расположен штаб румынского полка, полковые склады, рота связи и миномётная батарея. На высоте за хутором артиллерийский наблюдательный пункт. На листе бумаги был начерчен довольно подробный план хутора.

Разбив каждый взвод на группы по четыре — пять автоматчика, Панин определил каждому взводу направление и район действий, а каждой группе конкретную задачу. После её выполнения—сбор по ту сторону хутора у подножья высоты, за ветряной мельницей.

И вот вся рота ушла в темноту, расползлась группами. Панин остался с тремя автоматчиками.

Вскоре в хуторе поднялась стрельба. Противник в панике заметался. Наши автоматчики, очищая дома и превращая их в свои опорные пункты, расстреливали мечущихся, не понимающих, откуда на них нападают, румын. Те бегали по улицам, по огородам и стреляли друг друга.

Такова была тактика Панина в условиях ночного боя. Он лично уничтожил 18 солдат и двух офицеров.

Но особенно отличилась здесь группа Кузнецова, она уничтожила до 80 и взяла в плен 64 румына.

Вся рота автоматчиков Алексея Панина уничтожила до батальона вражеской пехоты. За день взяты большие трофеи—27 пушек, 196 лошадей, 27 пулемётов, 4 миномёта, 17 автоматов, 7 автомашин, склад с боеприпасами, склад с продовольствием и амуницией.

* * *

Далеко за полночь кончился бой в Средне - Царицынском. К рассвету рота собралась на окраину хутора, около ветряной мельницы. Размещались в крайних домах. Усталые, измученные, голодные автоматчики валились с ног. Иные размышляли: поесть сначала или спать. Многие засыпали над вещевой сумкой, не успев развязать её.

Труднее всего было часовым, которые также хотели отдохнуть, но им надо было бдительно охранять отдых роты, которая утром снова выступала в бой.

Панин, преодолевая усталость, проверял, все ли устроились на отдых, потом писал донесение и вместе с Кузнецовым намечал удар на высоту, именуемую „Грушей“. С этой высоты яростно били вражеские миномёты по наступающему вслед за ротой полку, на эту высоту бежали и остатки разгромленного в хуторе гарнизона.

...Утром рота продолжала наступление на „Грушу“. Завязался трудный бой на весь день. И в этом бою был тяжело ранен в голову командир роты автоматчиков Алексей Панин. Случилось то, чего он больше всего боялся.

Когда его несли на пункт медицинской помощи, он видел огромные колонны танков, идущие в прорыв, сделанный его ротой. Танки шли в глубокий рейд по тылам врага.

Роту автоматчиков вёл в бой Михаил Кузнецов, он также вскоре был тяжело ранен.

И уже в госпитале они узнали о том, что Панин награждён орденом Ленина, а Михаилу Кузнецову присвоено звание Героя Советского Союза.

КОМАНДИР ТАНКА

Шустрый почтальон с почтовой сумкой быстро идёт по улице. Недавно выпавший снег хрустит у него под ногами и блестит на солнце. Почтальон жмурится и дует на руки.

Около сарая стоит танк „КВ“. Он покрыт соломой для маскировки и кажется домом, нелепо пристроенным к сараю. Огромная длинная пушка торчит из-под соломы.

Почтальон входит в дом. За столом сидят танкисты, обедают.

— Славным танкистам геройского танка пламенные приветы и низкие поклоны от родных и знакомых,—балагурит почтальон,—получайте письма. За содержание не отвечаю.

Вытаскивает письма.

— Гвардии лейтенанту Чиркину Павлу Ивановичу из Бланды Саратовской области, Революционная, № 11.

Чиркин просиявший берёт письмо.

— Это от жены,—говорит он.

— Ему же, из села Дурникино Романовского района, той же области,—и почтальон подаёт второе письмо.

— А это от стариков,—сообщает Чиркин,—спасибо, браток. Только что-то ты очень редко появляешься у нас.

— Разве за вами угонишься? Я три дня с этими письмами гоняюсь за вами. Приеду, а вас уж и след простыл. Ушли вперёд. Вы и фрицам и мне не даёте передышки.

И он продолжает раздавать письма.

— Командиру башни, старшему сержанту Смородину Павлу Ивановичу из Пензы.

— Стрелку-радисту Мурашову С. С. поклон из Сибири Алтайского края, село неразборчиво. Ну вот и всё. До свиданья.

— А мне?—разочарованно спрашивает механик-водитель Серёжа Чесноков.

— На твою долю не досталось,—с сожалением разводит руками почтальон,—твоеё письмо в процессе производства. Ну, пока.

Почтальон уходит. Все, кроме Чеснокова, выходят из-за стола, читают письма.

— Хорошо, что у меня мать неграмотная,—шутит Чесноков,—а то пообедать бы не дала своими письмами. Вот вы читаете, а я буду один дообедывать.

Но, съев две ложки каши, он отодвигается от стола. Хозяйка настойчиво угощает Серёжу, он благодарит, показывает, что сыт по горло. Достает из кармана бумажник, вынимает фотографию.

Красивая девушка, с чубом из-под беретки, лукаво и улыбочиво смотрит на него. Чесноков говорит, с упрёком смотря в глаза девушки:

— Ну, а ты-то ведь грамотная? И зачем тебе среднее образование, если даже письма написать не можешь? Эх, все вы одинаковы. С глаз долой—из сердца вон.

И он бережно кладёт карточку обратно.

— Хватит читать,—говорит он товарищам, что вам тут изба-читальня?

Но на его шутки никто не обращает внимания. Все заняты письмами.

Чесноков выходит к танку и начинает копать около машины. Напевает:

А любовь моя в море не тонет
И в огне она ввек не сгорит...

Садится на свое место водителя, вынимает моток изоляционной ленты, отрывает несколько маленьких кусков, достает фотографию девушки, прикрепляет её у смотровой щели, чтобы всегда она была перед глазами.

* * *

Рассвет. На востоке разгорается розовая заря. Звёзд уже не видно, только одна яркая утренняя Венера упорно держится в ясном небе рядом с побледневшей половинкой луны. Снег кажется голубым.

В поле гром канонады. Это наша артподготовка. Артиллеристы обрабатывают передний край немецкой обороны, сильно укреплённый небольшой гребень высот, господствующий над степью.

Там всё в дыму. Немцы отвечают, но вяло, не хотят сразу выявлять всех своих огневых точек.

Танковый полк тяжелых „КВ“ рассосредоточенно стоит в долине на исходных позициях. Танки белые—под цвет снега.

Высоко в небе появляется „Рама“ (так называют у нас немецкий самолет-разведчик „Фокке-Вульф“), она кружится над нашими позициями. Вокруг неё вспыхивают дымные клубки разрывов. Это бьют наши зенитки. „Рама“ уходит назад и скрывается за высотами. Грохот канонады внезапно обрывается. И через минуту ливень красивых огненных фонтанов поднялся над полем. Страшный шум потряс тишину. То дали залп „Катюши“.

От командирского танка взвилась красная ракета и танки пошли на прорыв. Далеко слышен рёв моторов.

Со стороны противника огонь прекратился. Там зловещая тишина.

Это значит, танки замечены и враг ждёт их приближения, чтобы в упор обрушиться на них всей мощью противотанкового огня.

Танки идут на предельной скорости, взрывая снег и взметая снежную пыль.

Сзади, по их глубокому следу идёт в наступление пехота. Бойцы спешат, спотыкаются на рывинах и отстают от танков.

Впереди широкий и глубокий, противотанковый ров. Танки ползают по краю рва, ищут, но не находят места для переправы.

Немцы ударили из пушек. Послышались визги и взрывы снарядов.

Долго задерживаться у рва опасно. В одном месте танк рванул прямо и застрял. Только башня торчит из рва. Тогда осторожно спустился второй танк и встал рядом. Две башни виднеются во рву. Третий танк с полного хода словно прыгнул через башни провалившихся танков и оказался на той стороне рва. То был танк лейтенанта Чиркина, это показал свою ловкость механик-водитель Серёжа Чесноков.

И тогда по башням, как по мосту, начали переправляться через ров и остальные машины. А танк Чиркина был уж далеко впереди.

В небе появились немецкие бомбардировщики. Две белых ракеты взвились со стороны немцев из-за высоты в направлении противотанкового рва.

Чиркин увидел и понял сигнальное значение этих ракет. Он выскочил из танка и тоже дал две боевых белых ракеты, направляя их на высоту, где были немцы.

Самолёты развернулись над высотой и начали её бомбить.

* * *

Танк идёт с открытыми люками. Кругом рвутся снаряды и мины, но пулемёты сюда ещё не достают. Танкисты видят, как по сигналу Чиркина немецкие самолёты разворачиваются над высотой, занятой немцами, и пикируют на неё. Видны столбы земли и огня, поднятые немецкими бомбами, слышен грохот взрывов.

Серёжа Чесноков в восторге. Он хохочет, что-то кричит лейтенанту, но за шумом Чиркин не разбирает его слов, но понимает их смысл и согласно кивает головой.

Самолёты уходят на запад. Танк идёт на высоту. С неё

ударили две пушки. Застрочили пулемёты, пули цокают о броню.

— Закрывать люки,—приказал Чиркин и сам закрывает свой люк.

В смотровую щель видна небольшая полоска снега и неба. Круг наблюдения очень ограничен. Но Чиркин уже засёк, откуда бьют противотанковые немецкие пушки.

В лобовую часть попадает снаряд и разрывается со звоном как будто стеклянный. Танк дрогнул, но продолжает идти. Снаряд не причинил ему никакого вреда.

Впереди крутой подъём, но здесь танк уже вне огня противотанковых пушек, те переносят огонь на следующие танки. Выкатывать орудия на открытую позицию и бить прямой наводкой, как делают наши артиллеристы, немцы боятся. Только наиболее храбрые из них иногда решаются на это.

Пули всё чаще цокают о броню. Где-то совсем недалеко стрекочет пулемёт. Танк вырвался на высоту и в щель стало видно далеко-далеко...

Из траншей выбегают немцы и бегут назад, вниз. Мурашев расстреливает их из пулемёта. Смородин бьёт из пушки. Чесноков, маневрируя танком, давит немцев гусеницами. Танк, как огромный разъярённый зверь, мечется по высоте, утюжит её и поливает огнём.

Лица танкистов сосредоточенно-серьёзные и ожесточённые. Чесноков высматривает дорогу и быстро орудует рычагами. Чиркин хмуро и внимательно всматривается в щель и движением руки подаёт короткие команды.

И странно видеть в этой грозной, грохочущей машине, среди шквала огня и смерти—красивое, улыбающееся лицо девушки, с задорным чубом из-под беретки, с лукавыми, но такими чистыми глазами, смотрящими с фотографии, прикреплённой у смотровой щели водителя танка.

— Справа пушка,—дал сигнал командир танка.

— Вижу,—ответил командир башни Смородин и с хода дал несколько выстрелов. Чесноков развернул танк и помчался прямо на пушку.

Чиркин видит, как вспыхивает огонь, как хлопочут немцы около пушки, стреляя по танку прямой наводкой. Чувство ярости охватывает танкистов.

— Давай, давай!—кричит Чиркин водителю.

Это самая опасная минута. Если немецкие артиллеристы не растеряются, они в упор могут подбить и поджечь танк. Если же у них будет хоть чуть-чуть замешательство, танк успеет их раздавить. Танк ревёт, как разъярённый бык и стремительно несётся вперёд.

С полного хода танк вдавливают пушку в мёрзлую землю. Потом догоняет наводчика и давит его.

Захлёбываясь огнём, пулемёт с танка расстреливает разбегающихся гитлеровцев.

С рёвом и грохотом, как смерч, мчится танк Чиркина, вселя ужас и сея смерть в стане врага.

Обнаружив ещё одну пушку, давит и её и врывается в тыл вражеской обороны.

Вдали по снежной дороге тянется обоз в двадцать—тридцать повозок. Танк направил на него свой грозный ход. Обезумевшие обозники бросились по снегу враспынную. Танк врезался в обоз, давит повозки, лошадей. Лошади рвутся в сторону, поднимаются на дыбы, вязнут в снегу и жалобно ржут, попадая под гусеницы танка. Хруст, треск, грохот стрельбы, рёв перегревшегося мотора. В танке жарко, на лицах танкистов пот.

Чесноков открыл люк. Сразу увидел фотографию своей девушки, улыбнулся ей и сказал вслух:

— Здорово мы с тобой действуем? Правда?

И он подмигнул ей, словно она живая стояла перед ним и улыбалась.

* * *

Танки атакуют населённый пункт—главный узел сопротивления немцев. Ураган огня с обеих сторон. Чиркин видит, как у самой деревни горят два наших танка. Длинное жёлтое пламя охватило машины.

Немецкая противотанковая батарея бьёт из деревни. Чиркин резко поворачивает и ложиной ведёт танк в обход, вихрем врывается в село с тыла. Немцы в панике бегут по улице, танк давит их, расстреливает из пулемёта.

Около дома пушка. Она разворачивается и стреляет по танку. Смородин бьёт по ней из своей пушки. Танк налетает и вдавливают пушку в дом. Дом рушится. Танк въехал в комнату. Крыша обрушивается на танк. Он с трудом разворачивается и мчится по улице дальше. Но на танке много соломы, и её могут поджечь. А люки открыты нельзя: танк под огнём пулемётов и автоматов. Немцы засели в большом доме и ведут огонь по танку и нашей пехоте, просочившейся на улицу. Смородин дал несколько выстрелов в упор из пушки, дом загорелся, стрельба из него прекратилась.

Мурашов открыл люк, вылез из танка и сбрасывает с него солому. Уже всё очистили лезет обратно в люк. Вдруг очередь из автомата, и Мурашов падает.

Чесноков выскочил и втащил товарища в танк, но Мурашов был уже мёртв.

Из-за угла вырывается немецкий танк и бьёт по танку Чиркина. На улице происходит бой двух тяжёлых танков.

— На таран давай!—кричит Чиркин водителю. Смородин бьёт по врагу из пушки.

Чесноков набирает скорость и ведёт свою машину прямо на немецкий танк. Немец в последнюю минуту решил уйти, начал разворачиваться. Советский танк врезался ему в бок. Все в танке ушиблись, Чиркин в кровь рассек голову. Немецкий танк был смят и подбит.

Кончились боеприпасы. Горючее тоже на исходе. На последнем килограмме доехали до заправочного пункта, быстро заправились, взяли боеприпасы и опять в бой. Труп Мурашова оставили для похорон.

* * *

Чиркин перевязал себе пробитую голову. Повязка вся просочилась кровью.

Танк той же дорогою ворвался в село, снова ввязался в бой. Пробился к противотанковой батарее.

Несколько орудий бьют по нему прямой наводкой.

Но танкисты опьянены яростью борьбы и презирают смерть. Главное—дорваться до пушек и подавить их, гадов.

Ранен Смородин. Но он ещё в силах стрелять из пулемёта. Чиркин сам садится к пушке. Она раскалилась. Всем жарко. Чиркин бьёт и бьёт. Чесноков на полном газу ведёт машину на батарею, расположенную в саду.

И вот она уже совсем близко.

Прямое попадание снаряда в танк. Машина подбита. Насмерть ранен водитель. Чиркин тоже ранен. Но он ещё может стрелять, и он стреляет.

Второй немецкий снаряд поджигает танк Чиркина. Чиркин продолжает стрелять из горящего танка.

С другой стороны вырвался наш „КВ“ и начал давить немецкую батарею. Чиркин потерял сознание.

Когда бой закончился, пришли товарищи и открыли сгоревший танк. Там нашли три обгоревших трупа и закоптившуюся фотографию красивой девушки с задорной чолкой из-под берета, приложенную над смотровой щелью водителя.

Весь экипаж был награждён посмертно.

Павлу Чиркину присвоено звание Героя Советского Союза.

ИЗЮМСКИЕ СОЛОВЬИ

На фронте затишье. На полях недавних боёв расцветает весна. Очумевшие от грохота войны соловьи постепенно приходят в себя и начинают петь по ночам свои соловьиные песни. Я слушал их под Изюмом не так, как раньше под Саратовом на пятой дачной остановке.

Вдоль Северного Донца на десятки километров тянется лес. Пришлось ехать этим лесом по самому берегу Донца. Со мной был старший лейтенант Егоров. Мы поехали на самый дальний участок обороны дивизии.

В штабе дивизии нам оседлали пару бледнорыжих коней, равнодушных ко всему на свете. Их не пугали ни пуля, ни кнут, ни грозные окрики. Это были старые боевые кони, выдавшие всякие виды и всяких всадников. И им давно надоело приспособливать свой шаг к характеру многочисленных ездовых, вскакивающих на их натруженные хребты. Но некавалериста они чувствовали сразу и после первой же рыси неумолимо подчиняли его своей непреклонной воле, дисциплине своего неторопкого шага. И хотя мы с Егоровым часто подъезжали к кусту, срывали ветки и обивали их цвет и листья о крупы своих слишком выдержанных коней, те шли своим, раз навсегда заданным, шагом и на наши взмахи ветками не желали отвечать даже обычным взмахом хвоста.

25 километров ехали добрых полдня, а нам предстояло в этот же день возвратиться обратно.

В штабе дивизии нас предупредили, чтобы поляны и открытые участки мы проскакивали галопом, так как эти места просматриваются и простреливаются противником, сидящим в обороне на том берегу, да и стерва „Рама“ — летает над лесом, сбрасывает в каждый вылет по четыре бомбы и снегопад листовок.

По всем полям и перелескам ехали шагом и ничто не нарушало птичьего щебета и гомона в тихом, зелёном лесу. „Рама“, как коршун, кружилась над нами, но не сбрасывала ни бомб ни листовок.

Так и доехали без происшествий.

В полку нам сказали: „У нас тихо. Воюют только снайперы и разведчики. Остальные укрепляют оборону, зарываются глубже в землю и занимаются боевой учёбой, пока позволяет противник и наше командование“.

И тут я узнал, как соловьиный голос был принят на вооружение нашими разведчиками в качестве средства войны.

Встретил я в этом полку земляка-волжанина, гвардии лейтенанта Иголкина Ивана Степановича, бывшего бухгалтера колхоза „17 лет Октября“. Он командир взвода отчаянных смельчаков-разведчиков, сплошь отмеченных правительственными наградами. Сам Иголкин имеет два ранения и орден Александра Невского. На боевом счету взвода свыше 400 „языков“, доставленных из тыла врага. Однажды они, взвод в 15 человек, захватили 65 немцев и так гуртом пригнали в свою часть, даже не разоружая.

— Если повесить на каждого из нас по пяти автоматов, то мы сами будем слабее безоружных,—говорил Иголкин,—а мы заставили их поднять руки вверх и так с поднятыми руками они шли. А что мы им, носильщики?

И лейтенант рассказал о лихом разведчике, нашем общем земляке—саратовце Белоглазове, который изумительно подражает соловью. Этому он учился у саратовских соловьёв, живя в путевой будке на ст. Разбойщина. Как Белоглазов изумлял окопную аудиторию соловьиными трелями, Иголкин услышал однажды зимой на вечере самодеятельности. Об этом искусстве разведчика он вспомнил весной и ввёл в перечень сигналов для ночных действий разведки—соловьиную песнь.

Немцы, те предпочитают работать под кукушку, и у них есть на это не плохие мастера.

Наши разведчики решили перекрыть немецкую кукушку русским соловьём.

И вот каков получился результат. Некоторое время разведчики в своих ночных вылазках в тыл врага с большим успехом пользовались соловьиными трелями Белоглазова. Каждое колено, каждая трель имели своё сигнальное значение. Трели Белоглазова были для разведчиков, как для морзиста тире и точки, как для грамотного писаная строка.

А для фрицев это была лирическая грусть, мечта о Гретхен. Они жмурились, как коты, и глубоко вздыхали, когда слушали рядом сидящего бойца Белоглазова. Но когда однажды Белоглазов перебил свою соловьиную трель очень трезвой и чёткой очередью автомата и уничтожил при этом до десятка мечтательных фрицев и гансов, соловьиные песни приобрели непосредственно боевое значение.

С того времени немцы в каждом соловье заподозрили разведчика и едва стоило безобидному, серенькому соловью начать свою любовную соловьиную песню, как фашисты открывали по нему сосредоточенный пулемётный огонь.

В изюмских лесах соловьёв очень много. И по всему Донцу в течение многих ночей немцы глушили пулемётами песни соловьёв.

Через некоторое время запуганные соловьи замолкли и ночью лес был мрачен и тих.

Вот почему я не был особенно обрадован, когда на обратном пути услышал первую робкую трель соловья.

Мы сильно запаздывали. Ночь застигла нас ещё на первой половине пути. Она была тёмная, безлунная.

Наши кони всё так же неумоимо и неторопко вышагивали по тёмной дороге. Немцы, освещая ракетами свой передний край, отблесками неверно мерцающего света давали нам возможность различать дорогу. А в основном мы ехали наугад, по звёздам. И вот вдруг трель соловья... И я не знал,—настоящий это соловей или Белоглазов в разведке. Мы ехали долго, всю ночь. Соловьи пели. Немцы подсвечивали дорогу. На фронте было затишье. Шёл май 1943 года.

ПЛАЦДАРМ ПОД ЛИСИЧАНСКОМ

Ивана Суетина хорошо знают в селе Чадаевка Лысогорского района, Саратовской области, где он родился и учился в начальной школе. Знают и на одном из заводов Саратова, где он работал слесарем, токарем-монтажистом и был членом бюро комсомольской организации.

Я встретил его на Северном Донце под Лисичанском, в дни напряжённых боёв за плацдарм на правом берегу Донца. Тогда на фронте было затишье. Наши части занимали оборону по левому берегу Северного Донца, немцы занимали правый берег. И только на плацдармах под Изюмом и Лисичанском, на „пяточках“, захваченных нами у немцев на их берегу, шли упорные, не прекращающиеся бои.

Я видел борьбу за плацдарм на четырёх реках и знаю, что это значит. Нельзя сказать, что труднее — захватить плацдарм или удержать его.

Батальон гвардии майора Суетина почти без потерь на рассвете форсировал Северный Донец и захватил окраину прибрежного села Привольное.

Немцы были застигнуты врасплох. Часть их разбежалась, часть была истреблена автоматчиками старшего лейтенанта Шишова, высадившимися первыми на тот берег.

Утром переправился весь батальон, и Привольное было занято полностью. Но немцы быстро оправились и пред-

приняли ряд яростных контратак, стремясь сбросить наши подразделения в Донец.

Позиции в Привольном были крайне невыгодные. Село в ложине, за ним две высоты, они господствуют не только над селом, но и над левым берегом Донца. Оттуда немцы просматривали и простреливали село, переправу и подступы к ней.

„Пятачек“ был очень мал, и немцы обрушили на него всю мощь своего артиллерийского, миномётного и пулемётного огня, бросали в контратаку пехоту и танки.

Держаться на этом „пятачке“ можно было, только захватив обе высоты и закрепившись на них.

Эта задача и была поставлена батальону Ивана Суетина. Он обдумывал её, когда я зашёл в его блиндаж.

Прежде всего меня поразила его молодость. Я не думал, что такой молодой парень может быть уже майором. Он был белокурый, румяный, и это делало его ещё моложавее.

— Сколько лет вам?—спросил я невольно.

— О, вы не смотрите, что я на вид такой молодой, мне уже 24 года скоро будет.

— И вид и возраст у вас лейтенанта, а вы уже майор.

— Утром 22 июня я начал войну, в самый первый день,— сказал он,—тогда я был лейтенантом и с тех пор почти всё время не выхожу из боёв. Три раза ранен. И после каждого ранения мне присваивали новое звание. Вот я и майор.

На груди у него был орден Александра Невского.

За обедом в блиндаже, Иван Леонтьевич рассказывал о своём боевом пути.

В 1939 году он поступил в военное училище, весной 1941 года окончил его и приехал на западную границу, был назначен командиром пулемётной роты.

Утром 22 июня начал расстреливать немцев, когда они переходили нашу границу.

— Первого немца я убил ещё на их территории, и последнего убью тоже на их земле,—говорит Суетин. Можете быть уверены.

С боями он прошёл путь отступления от границы до родной Волги. Был ранен под Киевом, потом оборонял площадь Тевелева в Харькове, вёл уличный бой, выходил из окружения на Чугуев. Под Прохоровкой ранен вторично. Затем два месяца учился на курсах „Выстрел“ и вернулся на Дон капитаном, получил батальон. Дрался под Сталинградом и осенью 1942 года пошёл в наступление.

Обхватом брал высоты с дзотами, с ходами сообщения, с блиндажами, перекрытыми в несколько накатов.

Высота 140,5, балка Длинная, хутор Попов, Томашевские выселки, Антоновка, высота 176,2 — всё это рубежи, где шли сильные бои.

Под Сидорово-Ивановкой немцы бросили на батальон 15 танков. Оставив на поле боя 3 танка, немцы отступили. Под Чеботарёвкой батальон вышел в тыл противнику, перерезал пути отхода на Россось. Снова бой с танками. Обход Миллерова, выход по узкому корридору на Северный Донец под Ворошиловград. 30 немецких танков и 50 автомашин с пехотой шли на Кружиловку. Приказано — перерезать им дорогу, отрезать танки. Снова тяжёлый бой с танками. Здесь был ранен третий раз. Награждён орденом Александра Невского. Потом оборона по Донцу. Организовал учёбу. Растил снайперов — Царёв, Величко, Ляхов, Бутин — знатные снайперы фронта — воспитаны Суетиным.

...Я видел, как Суетин готовил батальон к атаке высоты 169,4, что южнее Привольного. В блиндаже собрались командиры рот Кудревич, Киреев, Каймин. Здесь же сидел замполит капитан Левицкий. Майор ставил задачу каждой роте. План был прост — одна рота демонстрирует наступление в лоб, две роты идут на фланги и бьют одновременно с фланга и тыла. Вот овраги, пути подхода, по которым надо проникнуть к высоте. Заявка артиллерии дана, цели ей указаны.

— Итти вперёд, не оглядываясь, — говорит майор, — если в роте остаётся один командир роты, то и он всё равно идёт вперёд и выполняет задачу. Либо погибнем, либо возьмём высоту. Но я твёрдо уверен, что высота будет наша.

Когда командиры ушли, Суетин сказал Левицкому:

— Теперь надо пойти в роты, потолковать с народом. Все устали. Надо поддержать дух. Я пойду в четвёртую роту, ты иди в пятую, а в шестую пусть сходит парторг. Надо сказать народу, что взять высоту, — это не только отвоевать километр земли. Взять высоту — это значит ослепить врага, лишить его зрения. С высоты он видит нас, ведёт прицельный огонь, не даёт нам жить на этом пятачке. Хозяевами рубежа должны быть мы.

Пошли в роты. Я подивился не только бесстрашию, но и уменью, с каким майор ходил под огнём. Он знал все огневые точки противника, которые ведут огонь по этой лошине, прекрасно знал местность, и умело использовал каждое малейшее укрытие.

— Прижимайтесь правее, — предупреждал он, — с той

Стороны у них вон на том склоне станковый пулемёт, он достаёт сюда. А с этой стороны сидят автоматчики. Их огонь сюда не достигает.

Довольно точно он определял: Сейчас будет мина, — ложисы!

И верно, визжала мина, рвалась неподалёку, — можно было пару минут спокойно идти дальше. Труднее было учесть момент и место падения артиллерийского снаряда, но они о своём приближении предупреждали воем и можно было успеть прижаться к земле.

— Вообще страшно только прямое попадание, — говорил Суетин, — а в остальном, если хорошо знать систему огня и порядок стрельбы противника, если уметь разбираться в обстановке и в местности, то на поле боя можно ходить довольно спокойно. Меня три раза ранило и всегда я сам был в этом виноват.

Я не вполне был согласен с этой теорией, но спорить здесь под огнём у меня не было охоты и я только внимательно следил за визгом мин, за Суетиным, чтобы делать то же, что и он.

В окопе Суетин, собрав небольшую группу бойцов и сержантов, говорил то, что он сказал Левицкому:

— Взять высоту—это не только отвоевать у немцев лишний километр нашей земли. Взять высоту—это значит ослепить немца, лишить его возможности вести прицельный огонь, скрыть от его глаз нашу переправу. Это значит расширить наш плацдарм и стать полными хозяевами этого рубежа. Нам будут видны Пролетарск и Лисичанск, которые ждут нас, ждут своего освобождения.

Он говорил довольно горячо, привычным языком агитатора, и его речь производила на бойцов сильное впечатление. Видимо, обстановка усиливала это впечатление.

Я не раз наблюдал, как в боевой обстановке, под огнём на поле боя простые и обыденные слова агитатора приобретают необычайное звучание и силу.

И чем напряжённее обстановка, тем больше сила слова. В момент атаки простой клич—Вперед за Родину! За Сталина! — ободряет и доходит до самого сердца.

В ответ на речь командира батальона боец Кузьмин, небольшой паренёк с крупным лицом, сказал слова, которые на первый взгляд мне показались наивными:

— Я думаю только об одном, бить гада и идти вперёд. И он смущённо посмотрел на товарищей.

Наутро я узнал, что Кузьмин шёл впереди всех и погиб смертью героя. Его слова и до сих пор звучат у меня в

ушах, как клятва, как самый сильный призыв,—их сила, их искренность скреплены кровью.

И я понял значение этих бесед майора с бойцами, которые он часто, а перед боем всегда, проводит в ротах...

Рано утром, после артподготовки должно было начаться наступление на высоту. Была середина мая. Утро чистое, тихое, по-весеннему радостное. Заря полыхала яркочеркрасная, как знамя. Краски неба отражались в реке, лес по берегу Донца неистово зеленел. Высоты, занятые немцами, казались словно в розовом дыму. Над Донцом курился туман. Это утро, эта заря, эта зелень и туман, тихий лес—вся эта торжественно-величавая панорама, открывавшаяся перед глазами, говорила о мире, о радости жизни, она звала к спокойному, плодотворному труду и счастью, а тут через несколько минут бой, смерть, ужас.

В такие минуты как-то иначе относишься и к природе и ко всему происходящему, и к жизни, и к смерти.

На переднем крае, в обстановке боя, человек себя чувствует иначе, чем в тылу, чем в обычной жизни, но я ещё не знаю, как это раскрыть и описать.

... С восходом солнца началась артподготовка. Сначала предполагался короткий артиллерийский налёт, огонь которого быстро переносится в глубину немецкой обороны, а тем временем роты, следуя за разрывами своих снарядов, врываются в окопы противника. Но немцы ответили артиллерийско-миномётным огнём не меньшей силы. Началась упорная артиллерийская дуэль. Наши артиллеристы обнаруживали всё новые и новые цели, орудия, батареи, и накрывали их своим огнём.

Над Донцом стояли грохот, дым, рёв. Немцы открыли огонь из шестиствольных миномётов и из пушек.

Авиация противника бомбила переправу и наши боевые порядки.

Батальон ещё на исходных позициях нёс потери.

Наконец, артподготовка закончилась. Роты пошли в наступление, но были встречены шквальным огнём и залегли. Снова открыла огонь наша артиллерия, немецкая совсем не прекращала стрельбы. Немцы держались за свои позиции, как черт за грешную душу. Наконец, Суетин поднял батальон в атаку. Послышались крики „ура“ и частый огонь. Это атаквались траншеи и дзоты у подножья высоты. Первые траншеи были заняты нашим батальоном. Вскоре немцы пошли в контратаку. Наши роты встретили их залповым огнём. Контратака была отбита. На плечах отходящего противника наши ворвались на высоту. Немцы снова пошли в контратаку, на этот раз в сопро-

вождении танков. 6-ая рота откатилась обратно, к подножью высоты. Бронебойщики подбили один танк. Снова атака. Наконец, стало известно, что одна рота закрепилась на высоте. Немцы опять бросились в контратаку. Тяжёлый, кровопролитный бой.

К вечеру высота была в наших руках. На утро Совинформбюро сообщило о боях местного значения по расширению плацдарма под Лисичанском.

Возвращаясь на другой день из полка, я встретил в медсанбате Суетина с рукой на перевязи и в гипсе. Эвакуироваться в госпиталь он отказался, так как не хотел уходить из своей дивизии, из своего полка. Там же в офицерской палате я встретил других героев форсирования Донца и боёв за плацдарм—старшего лейтенанта Шишова, помбата майора Попова, командира полка майора Анрющенко. Медсанбат был в ближайшей деревне, полуразбитой и оставленной жителями.

Вечером на той стороне, на плацдарме снова разыгрался сильный бой. Грохотала артиллерия, дым стоял как от пожаров. Командиры вышли во двор, слушали, смотрели, пытались по звукам определить ход боя.

Здесь был тихий, мирный вечер. Но они рвались туда, где грохот боя, где бьются их батальоны. Им казалось, что там без них упустят победу и им снова придётся восстанавливать положение. И они торопили врачей скорее залечивать раны и отпустить их обратно в свои подразделения.

НА ДНЕПРЕ

Ему всего 19 лет и он не видал Днепра. Он знал его только по Гоголю—„Чуден Днепр при тихой погоде“... Знал и из географии, что это вторая по величине река в Европе. А Волгу он знал хорошо—сам волжанин из с. Петропавловка Новоузенского района.

Когда пошли в наступление от Северного Донца, то Днепр не сходил с уст каждого бойца и офицера.

— Скорее на Днепр! Вперёд до Днепра! Освободить от поганой немчуры!

Это были не только призывы. Это было живое воплощение того страстного и страшного для врага наступательного порыва, который окрылял наших воинов в боях за Донбасс, за освобождение Украины. Все рвались к Днепру, хотели скорее увидеть, достичь его.

Гвардии лейтенант Шилин, командир взвода управления дивизиона Н-ского гвардейского артполка шел вместе

с наступающей пехотой. Он выявлял цели, принимал заявки на огонь, изготовлял данные для стрельбы и корректировал огонь своего дивизиона.

Путь до Днепра—победный, но тяжёлый путь. Шли с боями, но шли быстро, по 20—30 километров в день. Впереди Днепр, древняя, священная русская река, где было положено начало русского государства. И эта река в руках у ненавистного врага! Что может быть горше для русского сердца? И что может быть желаннее, как освобождение Днепра, освобождение братской Украины от немецкого ига.

Афанасий Шилин шёл с пехотой и наводил огонь своих пушек на немецкие укрепления. Он пробивал путь пехоте.

Пехота штурмовала высоты, брала сёла и города, отражала вражеские контратаки. Шилин был с пехотинцами как посланец „бога войны“—артиллерии.

... Вот вышли на Днепр. Немцы отброшены на правый берег. Шилин на берегу Днепра, и уже перенёс огонь за Днепр. Пушки бьют через реку. Днепр в огне, Днепр в крови.

Величавый, могучий, прекрасный при всякой погоде,— он всё так же спокойно несёт полные воды свои. Всем вспомнились слова песни—

„А волна твоя, как слеза...“

Не обращая внимания на огонь противника, припадали и пили воду Днепра, умывались. И для каждого это было полно глубокого значения и неиссякаемой радости. Писали письма домой—„привет с Днепра“.

... Но уже сапёры, эти неутомимые и неугомонные труженики войны, готовили плоты, лодки, паромы. Пехота готовилась к прыжку за Днепр.

О тупости и глупости немцев можно судить и по тому, что они не предполагали, что Красная Армия будет сразу с хода форсировать Днепр. Как будто это могло быть иначе!

Шилин с группой связистов и разведчиков в числе первых форсировал Днепр. У него была рация. Но связисты, для дублирования связи, тянули провод через Днепр. Было раннее утро. Над рекой поднимался туман. Немцы спохватились, когда первая лодка уже стукнулась носом о правый берег Днепра. Открыли яростный, но беспорядочный огонь. А наши уже захватили небольшой, удобный для обороны плацдарм на правом берегу.

Артиллеристы во главе с Шилиным быстро выбрали хороший наблюдательный пункт. Шилин по радиации связался с левым берегом и вызвал огонь на миномёты и пулемёты противника. Огнём своих пушек он тушил огонь немцев. Наша пехота продвигалась вперёд, расширяя плацдарм. По реке плыли плоты и лодки с бойцами.

С восходом солнца немцы, несколько оправившись от неожиданности, предприняли яростную контратаку пехотой и танками, при поддержке авиации. Разгорелся ожесточённый, свирепый бой.

Наблюдательный пункт Шилина находился на правом фланге пехотного подразделения, ведущего бой. Там была высотка, удобная для наблюдения и корректирования огня. Немцы охватывали захваченный плацдарм полукольцом. Артиллеристам пришлось самим оборонять свой НП и отражать контратаки врага.

Вражеским снарядом разнесло радию—Шилин перешёл на телефон. Невдалеке застрочил пулемёт, потом второй. Они мешали сосредоточенной работе артиллерии.

Захватив автомат и гранаты, Шилин, пополз к огневой позиции. За ним несколько связистов и артиллеристов-разведчиков.

Гранатами он уничтожил оба расчёта немецких пулемётов. И снова продолжал своё дело—обнаруживал цели и корректировал огонь артдивизиона.

Но вот немцы подобрались совсем близко и поднялись в атаку. Это не застало Шилина врасплох. Разбежавшись по заранее намеченным местам, артиллеристы встретили немцев шквальным огнём. А когда те залегли, Шилин поднял своих людей рукопашную. В этой схватке он сам уничтожил двух немецких офицеров и десять солдат.

Его пример вдохновил всех бойцов. Они дрались, как львы.

Три контратаки отбил взвод Шилина в этот день, прочно удерживая правый фланг захваченного плацдарма и продолжая корректировать огонь своего дивизиона.

Подошедшие резервы дали возможность нашим бойцам не только удержать плацдарм, но и, прорвав оборону противника, рвануться вперёд и прогнать немцев с Днепра.

Наступление наших войск за Днепром продолжается. Шилин попрежнему в боевых порядках наступающей пехоты и корректирует огонь своего дивизиона. Теперь он Герой Советского Союза.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Ответ сыну	3
Друзья	5
Командир танка	15
Изюмские соловьи	21
Плацдарм под Лисичанском	23
На Днепре	28

Отв. редактор *Н. Богданова*. Корректор *Н. Пржевальская*.

НГ23351. Подп. к печати 8/IV 1944. Учет.-изд. л. 2.

Печати. л. 2. Тираж 10000. Цена 1 рубль.

Саратов. Типография № 1 Полиграфиздата. Заказ 767.

1 рубль